

Disney

Лиз Брасвелл

Время
желаний

— Другая история —
Маслин

Москва
2016

УДК 821.111-053.2(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б87

Liz Braswell
A Whole New World

Copyright © 2016 Disney Enterprises, Inc.
All Rights Reserved

Брасвелл, Лиз.

Б87 Время желаний. Другая история Жасмин : повесть / Лиз Брасвелл ; [пер. с англ. А. Б. Васильевой]. — Москва : Эксмо, 2016. — 384 с. — (Disney. Неизвестная сказка).

ISBN 978-5-699-88658-6

Жасмин не готовили к роли воительницы и уж тем более не учили противостоять могущественным колдунам. Но встреча с Аладдином изменила девушку, и теперь ей предстоит спасти от чудовищных желаний Джафара не только собственную жизнь, но и Аграбу...

После того как коварный и жестокий Джафар завладел лампой, джинну пришлось выполнять все его приказы. Для начала великий визирь стал султаном Аграбы, а затем подчинил себе темную магию и превратился в самого сильного колдуна на всем белом свете. В некогда благополучной Аграбе по улицам рыщут магические прислужники Джафара, жители прячутся по домам. Остановить творящийся ужас сможет лишь один человек — наследная принцесса, которая готова взять судьбу города в свои руки...

УДК 821.111-053.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-88658-6

© Васильева А., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Моему сыну Алексу — который уже формально
вовсе не бездельник и достаточно взрослый,
чтобы читать написанные мной книги.
Наслаждайся!

Дополнительная благодарность Дэвиду Каземи
за детали, которые позволили оживить
древнюю Аграбу...
хоть мы так и не можем прийти к согласию,
что такое хорошая пахлава. — Л.Б.

Пролог

Полная белая луна освещала раскинувшийся под ней город, сияя почти так же ярко, как солнце в иных северных странах. Белые дома, сложенные из сырцового кирпича, поблескивали в лучах ночного светила, как обкатанные волнами камни-голыши на далеком пляже. Золотые луковки столичных куполов мерцали подобно волшебной мечте на фоне бледных дюн и бархатно-черной, усеянной звездами пустоты ночного неба.

Дневная жара давно схлынула, отступив в пустыню, и город начал постепенно оживать, очнувшись от послеполуденной знойной дремоты. Улицы наполнились народом: кто попивал душистый чай, болтая и смеясь с соседями, кто отправился в гости к друзьям. Белобородые старики играли в чатранг на установленных возле уличных кофейен досках; и дети, хоть им давно полагалось ложиться спать, продолжали весело резвиться прямо на улицах, среди отдыхающих горожан. Оживленно шла вечерняя торговля в лавочках, где мужчины и женщины покупали ледяной шербет из розовых лепестков и всяческие безде-

лушки. Поистине, при свете луны жизнь в Аграбе становилась шумной и кипучей.

Впрочем, не во всей Аграбе.

В другой части города улицы были молчаливы, как тени, и черны, как смерть. Нарядно одетые люди не рисковали заглядывать сюда, особенно с наступлением ночи. Даже местные жители старались не покидать своих домов или не высовываться из узких переулков и скрытых от глаз тайных проходов, пронизывающих эти неуютные кварталы. Побелка на здешних домишках давно поблекла и облупилась, глиняная штукатурка отваливалась от стен пластами, обнажая неровные щербатые кирпичи. Кое-где, раздражая глаз, виднелись недостроенные деревянные сооружения — единственное свидетельство усилий прежнего султана хоть немного облагородить эти трущобы, расширив дороги и проведя к домам воду. Но потом султана отравили, и его славный проект был забыт. Теперь скрипучие остатки его замыслов покачивались на пустынных ветрах, как оставленные на виселицах истлевшие трупы.

Это место называли Кварталом Уличных Крыс.

Здесь жили воры, попрошайки, убийцы и прочие отбросы, а также самые нищие из бедняков. Дети, которые никому не были нужны, и взрослые, которые знать не знали, что такое честный труд, избрали эти унылые трущобы своим домом. Сироты, неудачники, калеки и всеми отверженный сброд делали эту часть города совсем не похожей на остальную Аграбу.

Среди невзрачных хижин, покосившихся халуп, полуразрушенных общественных зданий, которыми давно никто не пользовался, и запущенных храмов был один малень-

кий домик, который выглядел чуть более ухоженным, чем прочие. Побелку на его мазаных стенах обновляли, судя по всему, не больше десяти лет назад, в треснувшем горшке у двери торчало какое-то чахлое пустынное растение, в котором кто-то поддерживал жизнь, регулярно жертвуя немного драгоценной воды. У порога лежал чистенький, хоть и сильно потертый коврик, на котором приходящие в дом гости могли бы оставлять свои сандалии — если бы вдруг им посчастливилось разжиться парой.

Через окошко в форме замочной скважины случайный прохожий мог услышать незатейливую песенку, которую негромко напевал приятный женский голос. А если бы он сумел заглянуть за деревянную ширму, то мог бы увидеть и обладательницу этого голоса: женщину с мягким взглядом красивых темных глаз и гордой осанкой. Одежду ее можно было назвать разве что лохмотьями, но носила она их с достоинством и грацией царицы. Несмотря на заплатки, платье ее было чистым и опрятным, так же как и пара штанов, которые она старательно штопала в пятне лунного света, проникающего через окно.

Вдруг в ее дверь громко постучали. Три веских, сильных удара — совсем не так, как было принято стучать у Уличных Крыс. Их стук всегда был еле слышным и часто таил в себе особый код, предназначенный только для посвященных.

Женщина явно удивилась, однако она аккуратно сложила свое шитье и поправила платок на голове, прежде чем подойти к двери.

— Кто там? — спросила она, уже берясь за ручку.

— Это я, мам, — ответил голос.

Женщина радостно улыбнулась и сняла хлипкий засов.

— Но, Аладдин, — с ласковым упреком сказала она, смеясь, — тебе не стоило так...

Она умолкла, обнаружив, что за дверью стоят целых четверо посетителей.

Одним из них был ее сын, Аладдин. Тощий, как и все дети Уличных Крыс, босой, с темно-смуглой кожей и шапкой густых иссиня-черных, как у его отца, волос, покрытых уличной пылью. Правда, держался он так, как учила его мать: голова высоко поднята, плечи расправлены. Ничего общего с обычными Уличными Крысами.

Его друзья — если считать это слово подходящим для них — маячили чуть в стороне, хихикая и явно готовясь чуть что задать стрекача. Уж тут можно быть уверенным — если случилась какая-то неприятность, Моргiana и Дубан точно имели к ней самое непосредственное отношение. Мать Аладдина невольно стиснула зубы, увидев их бегающие глаза и очевидную готовность улизнуть при первой возможности.

За спиной Аладдина стоял рослый худой мужчина в длинном синем одеянии и тюрбане такого же цвета. Женщина сразу узнала его: это был Акрам, торговец орехами и вялеными фруктами. Он держал ее сына за плечо цепкой хваткой костлявых пальцев, и эта хватка обещала стать еще крепче, если бы мальчишка только помыслил о бегстве.

— Ваш сын, — заговорил Акрам вежливо, но сердито, — и его... приятели. Их снова застали на рынке за воровством. Ну-ка выверни карманы, Уличная Крыса.

Аладдин мило пожал плечами, а потом покорно вывернул карманы, явив взглядам сушеные фиги и финики. Впрочем, он не был настолько небрежен, чтобы позволить добыче упасть на пол.

— Аладдин! — резко сказала его мать. — Ты негодный мальчишка! Простите меня, добрый господин. Завтра я отправляю Аладдина к вам, чтобы он целый день выполнял ваши поручения. Все, что вы прикажете. И он натаскает вам воды.

Аладдин начал было протестовать, но под взглядом матери тут же присмирел. Дубан и Моргiana насмешливо прыснули.

— И вы двое тоже, — прибавила она.

— Ты мне не мать, — пренебрежительно заявила Моргiana. — И не можешь приказывать мне, что делать. Никто не может.

— Очень прискорбно, что у тебя нет такой матери, как эта славная женщина, — сурово сказал Акрам. — Если ты и дальше будешь продолжать в том же духе, твоя голова украсит кол еще до того, как тебе исполнится шестнадцать, девчонка.

Моргiana в ответ нахально показала ему язык.

— Ну, хватит, — бросил Дубан, заметно занервничав. — Пора убираться отсюда.

И они оба растворились в темноте. Аладдин уныло поглядел вслед друзьям, бросившим его в одиночку нести наказание, которое они заслужили все вместе.

— По мне, так тебе лучше бы не водить с ними компанию, — задумчиво сказал Акрам. — Однако всей вашей троице очень повезло, что вас поймал именно я, а не кто-нибудь другой. Ведь есть такие торговцы, которые заставили бы вора заплатить за украденные фрукты отрубленной рукой.

— Позвольте, я сейчас заверну во что-нибудь ваш товар, чтобы вы могли забрать его, — засуетилась мать

Аладдина, отбирая у сына фрукты и осматриваясь в поисках тряпицы, в которой их можно было бы нести.

— Не стоит, — неловко сказал Акрам, окидывая взглядом тесную темную лачугу. — Я уже разобрал свой прилавок на ночь. А честной женщине, которая так много работает и которая так ... одинока, не пристало расплачиваться за чужие грехи. Считайте это моим подарком.

Глаза женщины гордо сверкнули.

— Я не нуждаюсь в вашей милостыне. Мой муж вернется со дня на день, — сказала она. — Касим обязательно разбогатеет и перевезет нас отсюда в другое место, которое лучше подойдет для его семьи. Мне только стыдно за то, каким он застанет наш дом, когда вернется.

— Конечно, конечно, — успокаивающе проговорил Акрам. — Я... мне тоже не терпится поскорее увидеть его вновь. Ему так нравились мои кешью.

Мать Аладдина вся засветилась от того, что кто-то вспомнил вместе с ней ее мужа, какими бы пустяковыми ни были эти воспоминания.

Аладдин резко дернулся. Рука Акрама снова метнулась к его плечу, однако на этот раз она не вцепилась в него хваткой хищной птицы, а неуклюже похлопала его по плечу, как будто жалея мальчика.

От этого на душе у Аладдина стало еще унылее.

— Эй, у вас тут все в порядке?

Из темноты вынырнул стражник с рынка, из тех, что помоложе. В руках он сжимал дубинку, и взгляд у него был самый что ни на есть суровый.

— Я слышал, что сегодня в твоей палатке случилась неприятность, Акрам.

— Не стоит беспокойства, Расул, — сказал торговец тем же успокаивающим тоном, каким только что говорил с матерью мальчика. — Всего лишь небольшое недоразумение, которое мы уже уладили. Спасибо за заботу.

Стражник, единственным пороком которого было, пожалуй, слегка чрезмерное пристрастие к сладостям, не стал настаивать на разбирательстве, как мог бы сделать другой на его месте. Он успел одним взглядом охватить и решительно умолкнувшую женщину, и удрученного Аладдина, и нищету их жилища.

— Тогда ладно. Акрам, я провожу вас обратно до вашей палатки. Здесь не самое безопасное место для такого уважаемого господина, как вы, особенно в такое позднее время.

— Тысяча благодарностей, Расул, — сказал Акрам, на прощание слегка поклонившись матери Аладдина. — Да пребудет с вами мир.

— И с вами, — ответила она, наклоня голову. — И... спасибо вам.

Едва торговец и стражник ушли, она устало притворила дверь и потрепала взлохмаченные волосы сына.

— Аладдин, ну что мне с тобой делать?

— А что? — спросил он, уже ничуть не удрученный, а сияющий озорной ухмылкой и чуть не приплясывающий от возбуждения. — Ведь все получилось просто отлично! И погляди, у нас с тобой сегодня целый пир!

Он тут же сунул руки в карманы, выгребая из них еще фиги и финики и сгружая их в надколотую миску. Потом потянулся к кушаку, освобождая его от пригоршней миндаля и фисташек... и довершая это запасом кешью, извлеченным откуда-то из-за пазухи.

— Аладдин! — с упреком вскричала его мать, хотя было видно, что она с трудом сдерживается, чтобы не улыбнуться.

— Я сделал это для тебя, мам. Ты заслуживаешь, чтобы о тебе кто-то позаботился. Ты ведь никогда ничего не оставляешь для себя.

— О, Аладдин, мне ведь ничего не нужно. Кроме тебя, — сказала она, протягивая к сыну руки и крепко приживая его к себе.

— Мам, — прошептал Аладдин, уткнувшись в ткань ее платья. — Я же вижу, что ты всегда отдаешь мне большую часть еды. Это несправедливо. Я просто хочу немного позаботиться о тебе.

— В жизни много разных несправедливостей, Аладдин.

Она чуть отстранилась, не разжимая объятий, и заглянула сыну в глаза.

— Так уж устроена жизнь — вот почему так важно, чтобы мы, Уличные Крысы, заботились друг о друге. У тебя хорошие инстинкты. Ты всегда будешь заботиться о своей семье и о своих друзьях. Потому что больше нам не на кого рассчитывать. Никто другой о нас не позаботится. Но все же это не означает, что ты должен становиться вором.

Аладдин горестно уставился в пол.

— Не позволяй, чтобы несправедливость жизни или бедность определяли за тебя, кем тебе быть. Только ты сам выбираешь, кем становиться, Аладдин. Быть ли тебе героем, который позаботится о слабом и беспомощном? Или быть тебе вором? Быть ли тебе попрошайкой или кем-то еще хуже? Все зависит от тебя, а не от обстоятельств или людей, которые тебя окружают. Только твой

выбор поможет тебе стать кем-то большим, чем просто Уличной Крысой.

Мальчик кивнул. Губы его дрожали, но он знал, что уже слишком взрослый, чтобы плакать. Да, он уже взрослый.

Мать еще разок поцеловала его и вздохнула, а потом подошла к столу, рассматривая орехи и фрукты.

— Наверное, это все оттого, что ты все время проводишь один с матерью, — проговорила она, отчасти себе самой. — У тебя и приятелей-то никаких нет, кроме этих двух бездельников, Дубана да Морганы. Тебе нужен настоящий друг, а может быть, домашний питомец или что-нибудь вроде этого. Верно, питомец...

Но Аладдин ее не слушал.

Он подошел к окну и отодвинул ширму. Это было единственное, зато важное достоинство их бедной хижинки: по прихоти неведомого архитектора улочки их бедного квартала изгибались так, что из их окна открывался превосходный вид на дворец.

Он смотрел на белые башни, которые казались еще более белоснежными в свете луны, на сверкающие луковки куполов, на разноцветные флаги на шпилях — таких прямых и острых, что, казалось, они вот-вот проткнут самое небо.

Твой выбор поможет тебе стать кем-то большим...